

Элен Блио

Мне всё равно

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Б69

Блио, Э.

Б69 Мне всё равно / Э. Блио. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 376 с. — (Легенды).

ISBN 978-5-521-90154-8

— Ты... Щеп... Щепкина, ты ополоумела? Ты что себе позволяешь?
— Вау, вот это видок! — громко выдает кто-то из стада, и остальные грохают, начиная ржать.

Я спокойно делаю несколько шагов, выходя в центр.

— У меня украли вещи.

Статус «новенькая» — это всегда не просто. В школе для элитных мажоров — особенно. Им по кайфу превратить мою жизнь в ад. Только они не в курсе, что мне всё равно.

Всё равно, пока один парень не пробивает брешь в моей защите, ломая все установки...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90154-8

© Блио Э., 2023
© Паракшина К., Афанасьева Н.,
оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Глава 1

— Щепка, ты глухая, что ли? Сказала, иди сюда!

Игнор — моё второе имя. Привыкла. Поорут и забудут.

— Щепка у нас типа гордая? Или это... считает себя лучше других?

— Слышь, Щепка? Считаешь себя круче нас?

— Да чего вы к ней прицепились? Отстаньте!

— А ты, Ванёк, вообще молчи, а то и ты огребешь.

Одиннадцатый «Е» вполне оправдывает букву, на которую называется. «Ешки» они и есть «ешки»...

Угораздило же меня попасть...

— Щепка... Нет, она меня достала! Слышь, ты?

Меня резко хватают за плечо, разворачивают. Вижу перед собой лицо Мироновой. Наверное, красивое было бы, если бы не надменная ухмылка и тонна грима.

— Мы из-за тебя «ашкам» проиграли, ты, овца! Ты нахрена сказала, что умеешь в волейбол?

Я сказала? Я никому ничего не говорила. В личном деле записано. И я-то как раз умею, в отличие от...

— Ты... — Мирон хватает меня за влажную от пота майку, толкает к стене.

Бить будет? Интересно. Это что-то новенькое.

— Мирон, да забей ты не неё...

— Забей? Да я с «бешками» забила, что мы «ашек» уделаем, я пять косарей поставила, а эта убогая нас слила...

Продолжаю молча смотреть ей прямо в глаза. Не мигая. Что-что, а играть в гляделки я хорошо умею. Никто еще не переигрывал, кроме... Кроме того, кого уже нет. И взгляд мой не все выдерживают.

Вот и Мирон слилась, опустила свои опалахала наращенные.

— Тварь, я тебя...

— Мирон, харэ! Отпусти новенькую! Она нам, между прочим, двадцать очков принесла!

Именно, в трех партиях! Но всё равно я виновата в проигрыше. Ну да, в некоторой степени... Не взяла пару подач, а могла. Но это спорт, бывает. Руки вспотели, устала, дыхалки не хватило, не допрыгнула — с моим-то ростом, метр с кепкой, ха-ха...

Ну и плевать.

Не конец света для меня.

Да уж... Если бы!

В раздевалку заглядывает наша староста Варька Сёмина.

— Ну вы чё застряли? Конор там разбор полетов хочет устроить.

Конором они называли учителя физкультуры, фамилия которого была Кононенко. В честь бойца ММА Конора Макгрегора, я так понимаю. Дебилы...

— Отвали, Сёма, у нас тут свой разбор.

Миронова снова повернулась ко мне.

— С тебя десять косарей, поняла, ущербная?

— Ты чё, Мирон, «вай» десять, ты же пять ставила? — подаёт голос «шестёрка» Мироновой Дунаева, по прозвищу «Дуня», я бы её иначе назвала, впрочем, кликух тут у них много, самых разных.

— Отвали, тупорылая. Пять ставка, пять — я бы выиграла. Не принесешь завтра, Щепка, процент начнет капать. Вдуплила?

— Не принесу.

— Что?

Туша Мироновой подается вперед, а рука замирает на моем горле. Да ну? Рукоприкладство началось?

— Ты... Принесёшь, ясно?

Молчу. Спорить бесполезно. Никаких денег я ей, естественно, не отдам.

Понимаю, что после этого они будут из кожи вон лезть, чтобы превратить мою жизнь в ад.

Только они ни хрена не знают, что такое ад.

Я уже в аду. Давно.

И плевать, что будет.

И на них плевать.

Поднимаю руку, беру Миронову за запястье, сжимаю с силой, стараясь отвести ее лапищу от себя. Продолжая смотреть прямо с глаза.

— Слышь, Мирон, она по ходу «рили крейзи», больная! Не связывайся с ней. «Мочканет» еще!

— Я её сама «мочкану».

Из зала раздается противный звук судейского свистка. Снова заглядывает Сёмина.

— Ну, девки, ну быстрее! Пойдем!

Миронова резко толкает меня, спиной впечатываюсь в стену. Больно. Но пофигу.

Потом неожиданно выхватывает у Дунаевой бутылку с какой-то ядовито-красного цвета газировкой и выливает прямо на меня.

Вот же с...

— Умойся, грязь, воняешь...

Просто прекрасно! Тварь... Стою обтекаю. Так неохота было в душ, теперь придется.

Почти всё это бабье братство ржет надо мной. Срываю майку, вместе с ней спортивный лифчик, мокрый и липкий от сладости, бросаю на лавку. Хватаю полотенце.

— Действительно надо умыться после твоих поганных лап.

— Что?

Но ответить Мирон уже ничего не может, так как свисток Конора под самой дверью.

Иду в душ. Хорошо. Жаль, что вода не может смыть все, что хотелось бы. Не может оставить меня чистой. Такой, какой я была еще год назад...

Не думать, Лерка, не думать...

Еле удаётся унять дрожь в руках.

Выхожу из душевой.

Моей одежды в раздевалке нет.

Усмехаюсь. Да уж! Как тупо! Больше ничего придумать не могли? Примитивные создания. Одноклеточные, блин...

Хорошо, хоть в кабинку я пошла в трусах.

Эти тупые овцы думают, что меня это остановит?

В руках у меня влажное полотенце, оно небольшое, не банное, грудь, конечно, им прикрыть можно, вопрос — нафига?

Смотрю на себя в круглое зеркало, висящее на стене, и выхожу в зал, нарочно хлопнув дверью.

Шоу маст гоу он... — шоу должно продолжаться.

Глава 2

В зале шумно, класс сидит на скамейках — девичьи болтают, парни ржут, что-то бурно обсуждая, физрук Конор пытается их всех переорать, дует в свой свисток.

Он любит после игры еще минут пятнадцать мозги компостировать. Особенно когда «физра» последним уроком.

Все уже переоделись в форму. Она тут красивая, стильная и сначала мне очень понравилась, а теперь... теперь бесит. Бесит, что меня принимают как часть этого убогого мажорского гетто.

Рюкзаки сброшены на пол или стоят на коленках. В одном из этих рюкзаков моя одежда...

Выхожу в центр зала.

Тишина наступает мгновенно, словно их выключили.

Только слышно чей-то удивленный непечатный возглас.

Конор пялится на меня, вижу, как его лицо покрывается пятнами.

— Ты... Щеп... Щепкина, ты ополоумела? Ты что себе позволяешь?

— Бесплатный стриптиз, — громко выдает кто-то из стада, и остальные грохают, начиная ржать.

Я спокойно делаю несколько шагов, выходя в центр.

— Щепкина... ты...

— У меня украли вещи.

— Ты... немедленно вернись в раздевалку! — физрука даже жаль, мужик в панике, не вдупляет, что делать.

— Мне нужны мои вещи.

— Ты... — он начинает снимать с себя олимпийку, путается в руках, — прикройся хоть, дура, не понимаешь вообще.

— Мне нужны мои вещи.

Говорю спокойно. Смотрю спокойно. Как будто не я стою полуголая перед ними, а они передо мной.

— На, возьми... надень... — Конор протягивает мне кофту, но я не реагирую.

— Мне нужны мои вещи! Если мне не отдадут их, я пойду к директору.

— Ты... Щепкина, с ума сошла, ты... оденься немедленно!

Он пытается набросить на меня свою одежду, но я отступаю, выставляя ладонь вперед.

— Руки уберите! Трогать меня не надо.

— Ты... — физрук, конечно, в ярости, и мне его даже жалко, но...

Он делает шаг, готов меня схватить.

— Не стоит этого делать. Сами себе срок повесите. Я несовершеннолетняя. Голая. Будете доказывать, что не пытались меня совратить.

— Ты, да ты... у меня полный класс свидетелей!

— Эти, что ли? Да они вас первые и закопают.

— Ах ты... с... салага малолетняя, су...

— Оскорбление. За это тоже есть статья.

— Умная шибко, да?

— Умная.

— Да я тебя... — вижу, что ему хочется меня схватить, но теперь он боится.

Я умею пугать людей. Этого не отнять.

— Скажите, чтобы мне отдали мою одежду. Я оденусь. И о том, что тут произошло, никто не узнает. — Конору повезло, что в школе действует железное правило. Заходя в зал, все сдают телефоны. А то бы мой эпатажный демарш реально бы уже во всех соцсетях набирал «лайки». — Или я иду к директору.

— Ты... ты...

— Я? То есть вы серьезно считаете, что виновата я? А не те, кто украл мои вещи? Хорошо.

Медленно поворачиваюсь в сторону выхода.

— Сзади тоже ничего! — у кого-то совсем отказало чувство юмора, но большинство считает, что это очень смешно.

Конор опять тянет руки ко мне, но тут же отдергивает. Страх — такое дело. Если уж он есть...

— Стоять, Щепкина! Никуда ты не пойдешь! Так! Одиннадцатый «Е»! Немедленно вернули ей одежду.

— А мы ничего не брали. Она врёт.

— Она сама!

— Да она все специально, она же с диагнозом! Вы не в курсе? — Миронова, оказывается, знает такое слово как диагноз? Неужели!

— Она дикая, больная! Нам «рили» с ней в классе страшно находиться! — Неужели Дуня?

Усмехаюсь про себя — тебе бывает страшно?

— Да хватит вам, реал, верните ей «шмот»!

— Она сама разделась, мы даже не при делах.

— Молчать! — Конор дует в свисток. — Молчать! Быстро вернули вещи, я сказал!

Я стою вполоборота к двери. Готова реально выйти и пройти через всю школу.

Как леди Годива, блин.

Замечаю, что там, за дверью, в тени кто-то стоит. Подглядывает за представлением и не заходит? Интересно, и давно? Может, еще и снимает моё шоу? Впрочем, мне всё равно, как всегда...

Словно отвечая на мои мысли, таинственный наблюдатель решает выдать свое присутствие.

Открывает двери и заходит в спортивный зал.

Узнаю его и с досадой понимаю, что руки холодеют и покрываются мурашками.

Высокий, широкоплечий, с развитой мускулатурой. Сильный. Красивый. Наглый. Безбашенный. Умный. Циничный. Жестокий.

Тор. Роман Торопов.

Я бы могла сказать, что он моё проклятие. Но не скажу. Потому что мне плевать на него так же, как и на остальных.

Ну, почти. Только знать об этом никому не обязательно.

Глава 3

— Тор! Тор! Тороп! Торопыга! Явился — не запылится! Брателла!

Мою наготу уже никто не замечает. Ну конечно! Их кумир вернулся, как же! Сам великий и ужасный Тор — Торопов. Гроза и гордость школы в одном флаконе.

Несколько парней и девочек вскакивают с мест. Конор свистит, но на него всем глубоко по...

Тора окружают, здороваются как-то по-особенному, по-своему. Я знаю, их тут банда, трое лучших друзей, ну и подружки-подпевалы, само собой.

Ёжусь, поводя плечами, мурашки скачут по коже наперегонки.

Чёрт, наверное, зря я вот это вот всё... Зря вышла. Посидела бы до конца урока, потом... а что потом? Вещи бы они все равно не вернули. Это факт.

Ну, может, вернули бы, но поглумились бы надо мной знатно.

А я не позволяю над собой издеваться. Научилась этому уже давно.

Жаль, что учитель был таким жестоким.

Смерть — вот лучший учитель жизни.

Стою всё так же в центре зала, повернувшись к выходу, смотрю в пустоту. Чего я зависла, собственно? Я собиралась к директору? Что ж...

Делаю шаг, второй.

Конор свистит в свисток, пытается призвать класс к порядку. Поздно. Раньше их надо было воспитывать. Как моя прабабушка любила повторять: когда поперек лавки лежит, еще можно воспитывать, а потом — бесполезно. Вроде так звучало...

Теперь всё. Они уже выросли, у многих внутри гниль, которую не вытравишь. Впрочем, мне какое дело? Я тут ненадолго.

